

Анастасия Золотухина

Платон во французских риториках XVII века:
образец для подражания и вдохновитель обновления*

ANASTASIA ZOLOTUKHINA

PLATO IN FRENCH RHETORIC MANUALS OF THE XVII CENTURY:
A MODEL AND AN INSPIRATION FOR RENEWAL

ABSTRACT. The paper examines the place of Plato in XVII-century rhetoric in France. This is the epoch of eloquence, marked by many important rhetorical treatises and manuals. However, the specific interest in rhetoric does not preclude interest in Plato. The attitude of the rhetoricians towards Plato is shown on the basis of the most influential rhetorical texts of the time (such as manuals from classical Jesuit rhetoric by N. Caussin of 1619 to R. Bary's *Rhétorique française*, written for the *précieuses*, as well as minor writings). A list of the editions and translations of Plato in use in the XVII century is also given. The recommendations of the authors on how to imitate Plato are examined according to the classical system of rhetoric, including such parts of it as *inventio*, *elocutio*, *actio*. The main, but not the only, Platonic feature admirable in XVII century is his *maiestas cum suavitate*, the ability to treat the most elevated subjects with grace. In the second half of the century Plato becomes the inspiration for the renewal of the rhetoric of the dialogue, *conversation*, a popular genre among nobility. In this context, attention is drawn to a small treatise written by Fr. de la Mothe le Vayer at the request of the chancellor Seguier, where de la Mothe explains the possible reasons for the lack of esteem and understanding of Platonic dialogues by his contemporaries and urges to re-read these examples of true union of philosophy and rhetoric in a new light.

KEYWORDS: XVII century, Plato, rhetoric, *style sublime*.

Прекрасно известно, что XVII век во Франции — эпоха риторики, *l'âge de l'éloquence*, по названию классического труда М. Фюма-

---

© А.И. Золотухина (Москва). a.auriauris@gmail.com. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Платоновские исследования / Platonic Investigations 13.2 (2020)

DOI: 10.25985/PI.13.2.09

* Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

роли¹. В это время издается огромное количество пособий, наставлений, компендиумов и записок, посвященных риторике. Только в первой половине века, по библиографии Шарля Сореля 1667 г.², во Франции вышло более двадцати риторических трудов (при этом многие сочинения Сорелем не были учтены, в действительности их было гораздо больше); во второй половине века это число возрастает более чем вдвое. Насколько в такой ситуации риторика, захватившая едва ли не все сферы жизни, затмевает интерес к философии, которым проникнута предшествующая эпоха? Забывает ли XVII век Платона ради Цицерона и Квинтилиана? Если же нет, то какое место занимает Платон в новой, риторизированной картине мира и что позволяет ему на этом месте оставаться?

Задача данной статьи — постараться ответить на вопрос о роли Платона в риторической теории и практике Франции XVII века, а также проанализировать отношение к нему самих риториков и образованных читателей на материале риторических сочинений этой эпохи. Даже в текстах, носящих явно учебный и энциклопедический характер, Платон оказывается не исключительно формальным образцом для подражания, а фигурой, связанной с переосмыслением риторики в это время. Иезуиты — учителя красноречия используют Платона для борьбы с формализацией риторики и для создания своей излюбленной эстетики возвышенного, *style sublime*, проникшей благодаря им во все искусства³. Второй и основной раздел статьи рассматривает поэтому, как Платон встраивался в систему преподавания риторики и чему у него было рекомендовано учиться.

В середине века «официальной» риторике церкви и двора, отраженной в пособиях, было противопоставлено другое направление, получившее в аристократических кругах новую жизнь: беседа, диалог (франц. *conversation*)⁴. Это явление, не являясь новым —

---

¹ Fumaroli 1980.

² Sorel 1667: 24–28 (список риторических сочинений).

³ См. Fumaroli 1999: 193–202.

⁴ Подробнее см. Fumaroli 1995: 30 ff.

в предшествующие столетия гуманисты также использовали диалог в качестве оружия против «старого», схоластического языка, что делал, например, Эразм в своих *Colloquia familiaria*, — позволило во Франции внедрить риторiku в повседневность, «очеловечить» ее, сделать неотъемлемой частью речи образованного человека, то есть аристократа на досуге. Большую популярность приобретают разнообразные *Discours*, *Conversations* и *Entretiens*; некоторые из них появятся в нашей статье ниже. Разумеется, вдохновителем и образцом для них являются произведения Платона: поэтому в 60–70-е гг. XVII века его диалоги обсуждаются и получают новую оценку. В том числе и по этой причине М. Фюмароли считает, что открытие для европейского мира в XV века диалогов Платона во Флоренции дало не меньший толчок развитию риторики, чем открытие Петраркой писем Цицерона⁵. Это новое дыхание барочной риторики в связи с Платоном рассматривается в третьем разделе статьи.

Прежде чем приступить к платоническому риторическому образованию эпохи барокко, рассмотрим использовавшиеся источники⁶. Количество выходивших в ту эпоху риторических пособий значительно превышает возможности анализа в одной статье, поэтому в данном случае выбор был обусловлен желанием представить разные направления риторического жанра XVII века, влиятельностью трудов и, разумеется, наличием в них релевантных упоминаний Платона.

I. Платон в XVII веке: источники и издания

В XVII веке главными поборниками и новаторами риторического образования во Франции являются иезуиты. Благодаря декрету 1603 г. они возвращаются из временной опалы и приобретают всё большее влияние в политике и образовании. К началу XVII века в стране действовало уже 18 иезуитских коллегий, парижская

---

⁵ Fumaroli 1995: 29.

⁶ Список источников составлялся по следующим работам: Fumaroli 1980, 1999; Pickard 1992; Strosetzky 1984.

была открыта в 1563 г.⁷ Поэтому неудивительно, что главные компендии риторического искусства первой половины века принадлежат отцам-иезуитам.

Прежде всего, это сочинение «О священном и светском красноречии» в 16 книгах *Николя Коссена* (Nicolas Caussin / Nicolaus Causinus, *De eloquentia sacra et humana*), вышедшее в Париже в 1619 г.⁸ Этот влиятельнейший труд, посвященный Людовику XIII, духовником которого был Коссен, является всеобъемлющей на тот момент энциклопедией риторики, демонстрирующей обширную образованность автора. Поскольку Коссен долгое время был учителем риторики, его труд носит черты учебника: материал излагается с повторениями, охватываются все классические составляющие части риторики; греческие тексты, которые Коссен неизменно приводит в оригинале, переводятся на латинский язык, трудные места объясняются. В начале своего труда Коссен дает список источников. Из философов это Платон, Аристотель, Феофраст, Ксенофонт, Максим Тирский, Фемистий, Сенека (порядок сохранен). Разумеется, ему известны и все основные риторики античности: в частности, очень часто он обращается, как мы увидим далее, к Менандру, Гермогену, Дионисию Галикарнасскому и др. Зачастую замечания о Платоне древних риториков просто переводятся без указания источника (и Коссен в данном случае — не исключение).

Второе важное риторическое сочинение, принадлежащее перу иезуита, — «Осенние каникулы» *Луи де Крессоля* (Louis de Cressoles / Ludovicus Cressolius, *Vacationes autumnales*), вышедшее в Париже в 1620 г. Оно написано в форме диалога и посвящено только одной части риторики, *actio*⁹.

---

⁷ Подробно об истории иезуитов и иезуитского образования во Франции XVI–XVII веков см. Fumaroli 1980: 233 ff. (с библиографией).

⁸ В данной статье использовано переиздание 1637 г.

⁹ Речь идет об одной из пяти частей античного риторического канона: *inventio, dispositio, elocutio, memoria, actio* (или *pronuntiatio*) — нахождение, расположение, словесное выражение, запоминание и исполнение (произнесение) соответственно. Античный риторический канон сформировался приблизительно

Коссен и де Крессоль, по замечанию Фюмароли¹⁰, были выдающимися эллинистами, опиравшимися на Платона и греческих отцов церкви в своей борьбе против «софистики» в риторике, то есть ее формализации. Однако начиная с 40-х гг. уровень знания греческого даже в иезуитских коллегиях постепенно падает, уступая место латинскому языку и римским образцам красноречия.

Другие две важные «риторики» XVII века носят совершенно отличный от иезуитских характер: это подчеркнуто светская «Французская риторика» *Рене Бари* (René Bary, *La Rhétorique française*), изданная в Париже в 1653 г. и выдержавшая несколько изданий. Она интересна тем, что была максимально современной для своего времени и предназначалась дамам прециозного круга, так называемым *précieuses*¹¹. Как мы увидим, и Платон у Бари становится чуть более «прециозным».

Наконец, особняком стоит «Риторика, или искусство речи» *Бернара Лами* (Bernard Lamy, *La Rhétorique ou l'art de parler*), первое издание которой вышло в Париже в 1675 г. Едва ли не самая популярная в своем жанре, выдержавшая более двадцати изданий, она знаменует собой переход к «новой», менее формализованной риторике, опирающейся на специальный интерес к языку. Платон также интересуется Лами — прежде всего, с точки зрения его языковой теории (происхождение слов в «Кратиле»), однако ее обсуждение не входит в задачи данной статьи, поэтому замечательное сочинение Лами ниже представлено не будет.

Как уже упоминалось, во второй половине XVII века наряду с трактатами стали появляться так называемые «записки», «замечания» о французском языке и риторике — более свободный и ставший популярным жанр, а также разнообразные беседы и диалоги. Остановимся на некоторых из них.

в I веке до н.э., а вклад в его разработку внесли самые разные авторы: софисты, Аристотель, эллинистические ораторы, Цицерон, автор «Риторики к Гереннию» (подробнее см., напр., Гаспаров 1972). Вышеприведенные части перечислены Цицероном в его раннем трактате «О нахождении» (*In v. 1.9*).

¹⁰ Fumaroli 1980: 346.

¹¹ Подробнее о явлении прециозности см. Голубков 2017, а также классическую работу Врай 1948.

Франсуа де ла Мот ле Ваёе, «Соображения относительно современного французского красноречия» и «О чтении Платона и его красноречии» (François de la Mothe le Vayer, *Considerations sur l'éloquence françoise de ce temps*, Paris, 1638; *De la lecture de Platon et de son éloquence*, Paris, 1643). Выдающийся французский философ, в данном случае он интересен нам двумя своими совсем небольшими сочинениями: в одном высказываются замечания относительно современного автору французского красноречия, другое специально посвящено красноречию Платона.

Доминик Буур, «Беседы Ариста и Эжена» и «Новые замечания о французском языке» (Dominique Bouhours, *Les Entretiens d'Ariste et d'Eugène*, Paris, 1673; *Remarques nouvelles sur la langue françoise*, Paris, 1675). Автор — иезуит, преподаватель риторики. Выбранные тексты принадлежат к жанрам бесед и записок.

Андре Рено, «Разные стили речи во французском языке» (André Renaud, *Manière de parler la langue françoise selon ses differents styles*, Lyons, 1697). Типичный представитель жанра записок конца века.

Основным изданием платоновского корпуса на греческом языке оставалось издание Анри Этьенна с новым латинским переводом Жана де Сера (*Platonis Opera quae extant omnia*, 1578), также в ходу были *Aldina* — венецианское издание Альдо Мануцио и Андреа Торресано (*Omnia Platonis Opera*, 1513) и *Valderiana* — базельское издание Симона Гриней и Иоанна Опорина (*Platonis omnia Opera cum commentariis Procli in Timaeum et Politica*, 1534). Разумеется, главным латинским переводом был перевод Марсилио Фичино: первое издание вышло в 1484 г., в XVI веке не раз переиздавалось. В XVI веке в Париже выходили также отдельные издания диалогов Платона: среди них «Тимей» (1542), «Федон» (1544)¹². Сводку переводов Платона на французский дает Ш. Сорель в своем грандиозном (в стиле эпохи) библиографическом труде «Французская библиотека»: он называет переводы «Государства», «Пира», «Федона» (наполовину в стихах), «Апологии Сократа», «Критона»¹³. Кроме того, существовал перевод «Алки-

---

¹² См. Loys 1995: 291, 190.

¹³ Sorel 1667: 34–35.

виада 1»¹⁴. Полный перевод платоновского корпуса на французский язык появился только в 1698 г.¹⁵

II. *Institutio oratoria Platonica*: чему и как учиться у Платона в XVII веке?

Проанализировав трактаты по искусству риторики и прочие источники, указанные в предыдущем разделе, можно составить впечатление о том, чему мог научить начинающих ораторов XVII века Платон и, с другой стороны, — как следовало писать и говорить о нем самом.

а) Как писать о Платоне?

Платон для риторов XVII века прежде всего был связан с возвышенным стилем — *style*, или *genre, sublime* (подробнее об этом см. раздел *Elocutio*). Поэтому в большинстве случаев писать о нем рекомендуется так же: использовать самые торжественные эпитеты, сравнения, говорить о нем в контексте божественных и небесных предметов.

Своеобразным образцом в данном случае может послужить Николя Коссен. Его описание Платона я позволю себе привести отдельно, чтобы дать читателю возможность почувствовать вдохновленный платоновским величием (*maiestas*) возвышенный стиль иезуитской риторики. В первой книге своего «Священного и светского красноречия» Коссен перечисляет великих ораторов и философов прошлого. Вот как начинается главка, специально посвященная Платону (*De eloquentia* 1.22):

Consurge altius eloquentia: Platonem video, qui dicendi maiestate assurrexit supra id omne quod humanum est. Is est in cuius ore melificaverunt apes, cecinerunt luscinae, Suada sessitavit. Parum est quod dico, Jupiter si Graece loqui voluisset, Platonis ore loquutus fuisset¹⁶.

---

¹⁴ Le Fèvre 1666.

¹⁵ Имеется в виду издание *Les Oeuvres de Platon traduites en français par A. Dacier* (Paris: Anisson, 1698). См. Martin 1999: 809.

¹⁶ Caussin 1637: 19. Здесь и далее сохранена орфография оригинала.

Восстань же, о красноречие, ибо я вижу Платона, превзошедшего величием слова всё человеческое. В его устах собирали мед пчелы, пели соловьи, обреталась Свада. Да что говорить, если бы Юпитер говорил по-гречески, он бы говорил устами Платона¹⁷.

Платон, пишет далее Коссен, превзошел всех в *sapientia, gravitate, prudentia, suavitate* (мудрости, значительности, благоразумии, сладости стиля). Некоторые из этих понятий мы подробнее обсудим ниже. Платон подобен орлу, парящему над всем земным и тленным. Называть его подобает, лишь снабдив самыми возвышенными эпитетами: «аттикизирующий Моисей», «Бог философов» и многое в том же роде. Как и положено, Коссен ссылается на древних, высоко ценивших Платона (от Цицерона до Феодорета). Отдельно сказано о том, каков жанр и стиль (*genus et ratio dicendi*) его сочинений, но об этом ниже. Особое место Платона среди языческих авторов иллюстрируется и тем, что если, например, Демосфен в риторике Коссена сопоставляется с апостолом Павлом (разумеется, не в пользу первого), то Платон — с самим Христом¹⁸.

Прочие авторы, в целом, руководствуются теми же принципами: де Крессоль всегда именуется Платона не иначе, как *divinus Plato. Le divin Platon*, «божественный Платон», входит в список стандартных эпитетов у Рене Бари¹⁹. Говоря о платониках в целом, Бари советует подчеркивать их сдержанность, *retenué*, по сравнению с тонкостью перипатетиков и серьезностью стоиков (*la subtilité des Peripatetiques, la gravité des Stoiques*)²⁰. Де ла Мот называет Платона одновременно и Орлом, и Лебедем, то есть царем и философов, и ораторов²¹. Андре Рено уточняет: подобные эпитеты уместны не во всяком стиле. Платона можно и нужно называть *le divin Philosophe* и *le divin Platon* в возвышенном стиле, *genre sublime*, но в простом разговоре, *conversation libre*, можно обойтись

¹⁷ Почти то же находим у де Крессоля (Cressolius 1620: 573).

¹⁸ Caussin 1637: 910.

¹⁹ Bary 1673: 1.253.

²⁰ *Ibid.* 1.248.

²¹ De La Mothe Le Vayer 1643: 34.

и простым *ancien Philosophe* — «древний философ»²². Схожий совет дает Д. Буур: подлинный *honnête homme* («приличный человек», особое понятие во Франции XVII века, пришедшее на смену ренессансному гуманисту и *cortegiano*²³), произнося речь в Совете или на суде, вместо безыскусного «Платон» должен говорить, например, *le plus sublime des Philosophes* («возвышеннейший из философов»), *le divin Philosophe*. В свободной же беседе на незначительные темы можно называть его просто *Philosophe*²⁴.

После того как мы поняли, в каких словах нужно упоминать Платона в своих речах и сочинениях, перейдем к тому, что в его риторике является образцом для подражания, а чего, напротив, лучше избегать. Дальнейшее изложение будет следовать стандартным разделам любого учебника риторики: составляющим частям красноречия²⁵. Но сперва — предварительное замечание о том, почему подражание, и в частности подражание Платону, обязательно для любого оратора. Понятно, что в основе этого представления лежит общая идея о том, что не всякое (и даже редкое) изобретение лучше хорошей копии, в целом присущая эпохе, ориентирующейся в этом отношении на античную риторику. Не вдаваясь здесь в подробное рассмотрение этой основополагающей для классической риторики мысли²⁶, рассмотрим, как на этот счет высказываются «наши» авторы.

Один из них, Франсуа де ла Мот ле Вайе, формулирует это так: «Хорошая мысль, откуда бы ни была взята, всегда гораздо лучше, чем собственная глупая: пусть это не обидит тех гордецов, что находят всё в себе самих, не прибегая ни к кому»²⁷. Поэто-

---

²² Renaud 1697: 115–117.

²³ Библиография на этот сюжет обширна, но см., напр., Magendie 1970.

²⁴ Vouhours 1675: 210–212.

²⁵ См. выше, прим. 10.

²⁶ Например, Цицерон в «Об ораторе» посвящает необходимости правильного подражания отдельную главку (*Orat.* 2.22–23); целую главу пишет о подражании и Квинтилиан, утверждая, что на этапе обучения какому-либо искусству подражание лучшим образцам обязательно (*Inst.* 10.2).

²⁷ De La Mothe Le Vayer 1669b: 341.

му не нужно стыдиться подражать древним великим образцам, ведь сами Цицерон и Демосфен подражали Платону. Коссен наглядно демонстрирует, как это происходило, ставя рядом отрывки из «Апологии Сократа» и «Федра» и их переводы, выполненные Цицероном в «Тускуланских беседах»: *Ap.* 40c5–41b2 / *Tusc.* 1.97.7–98.14; *Phdr.* 245c5–d6 / *Tusc.* 1.53.5–54.8²⁸. В том же духе высказывается Рене Бари: оратор обязан быть ученым и мудрым, ведь учились же Демосфен и Цицерон у Платона²⁹; кроме того, как нам уже известно, иногда хорошая копия лучше дурного изобретения (*invention*), поэтому необходимо учиться на образцах прошлого³⁰.

b) *Inventio*

В большинстве риторических учебников XVII века в этот раздел входят топики и источники, из которых можно черпать те или иные примеры и мысли. Так устроены и риторика Коссена и Бари. Последний в разделе, посвященном топике, советует обращаться к Платону всегда, когда речь заходит о небе и небесных явлениях; в частности, хорошо упомянуть, что, по утверждению Прокла, Платон считал, что «небо состоит из цветов и самых нежных элементов» (*de fleurs et délices des éléments*)³¹. Поистине, прелестный образ, достойный прециозных салонов, для хозяек которых, как мы помним, он писал свою риторика. Возможно, это и побудило его несколько приукрасить Прокла, в *Theol. Plat.* 4.40 которого в действительности сказано совсем о других цветах: «эта красота неба сияет разнообразными цветами и светом» (τοῦτο τοῦ οὐρανοῦ κάλλος χρώμασι παντοίοις καὶ φωτὶ διαλάμπει).

Говоря об источниках для *inventio*, Коссен предписывает пользоваться мифами, как это делал Платон, которого он называет *supra modum fabulosus*, «чрезмерным приверженцем мифов»³². В качестве другого замечательного источника называются сборники

²⁸ Caussin 1637: 67–69; подробнее об этом см. ниже, в разделе *Elocutio*.

²⁹ Bary 1673: 1.93.

³⁰ *Ibid.* 99.

³¹ Bary 1673: 1.169.

³² Caussin 1637: 187.

платоновских высказываний, *Platonis γυνῶμαι*³³, особенно подходящие, если нужно говорить о божественных вещах³⁴.

с) Elocutio

Стиль: *pro*

Пожалуй, о стиле Платона французские риторы пишут больше всего, призывая к подражанию главному платоновскому качеству: *maiestas*, «величию»³⁵. Это свойство платоновского стиля было особенно любезно риторам XVII века в связи с их специальным интересом к эстетике возвышенного. С открытием трактата Псевдо-Лонгина «О возвышенном»³⁶ эта категория становится одной из наиболее обсуждаемых в барочной риторике³⁷. С помощью известной техники оратор, по выражению М. Фюмароли, «имеет теперь возможность возвысить себя и публику до платонических высот»³⁸. Рассмотрим, как это сделать.

Коссен считает, что лучший пример того, в чем платоновскому стилю стоит подражать, дает сам Цицерон. Цицерон подражал следующим достоинствам Платона: 1) тому, что Коссен называет *maiestas* или ὑψηλόν: «некоторому величию или возвышенности стиля, то есть умению должным образом говорить о великих предметах», что является самым важным; 2) «цветистому и приятнейшему (εὐχάρι) стилю»; 3) разумному и ясному распределению (*distributio*); 4) «замечательному выражению нравов и аффектов (ἦθος)», в чем оба были большими мастерами; 5) завиткам

---

³³ Сборники платоновских высказываний издавались во Франции в XVI веке: напр., *Le Banquet de Platon, et les plus notables & meilleures Sentences recueillies de toutes les Oeuvres du dit Platon*, trad. par M. Heret (1556) (Paris: G. Guillard). Сложно сказать, какое именно издание или издания имеет в виду Коссен.

³⁴ Caussin 1637: 191–192.

³⁵ *Ibid.* 40, 167.

³⁶ Новая жизнь этого сочинения начинается в 1554 г., когда трактат был напечатан итальянским гуманистом Франческо Робортелло под названием *Dionysi Longini rhetoris praestantissimi liber de grandi sive sublimi orationis genere*.

³⁷ В 1674 г. выходит французский перевод трактата, выполненный Н. Буало, однако Псевдо-Лонгин, разумеется, цитируется и в предшествующих риторических учебниках.

³⁸ Fumaroli 1995: 26–27.

(βόστρυχοι), или украшениям, характерным для Платона³⁹. В последнем случае Коссен ссылается на сообщение Дионисия Галикарнасского⁴⁰ о том, что и в восемьдесят лет Платон не перестал «завивать», украшать свои диалоги. По сравнению с Цицероном, стиль Платона более цветистый и отделанный (*floridus et cultus*), зато язык Цицерона острее (*acrior*).

Что касается первых двух пунктов, то о них высказываются многие риторы, как и сам Коссен в других местах своего сочинения. По большей части отмечается соединение у Платона той самой *maiestas*⁴¹ и *suavitas*. В понятие *maiestas* входит и значительность, *gravitas*, или σεμνότης. Подробно о том, что это такое, со множеством примеров из античных авторов пишет тот же Коссен⁴². Вся глава является довольно близким к оригиналу парафразом соответствующего места из сочинения Гермогена из Тарса «О видах слога» (Περὶ ἰδεῶν λόγου)⁴³. Коссен Гермогена в данном случае, как и во многих других, не упоминает, но все примеры заимствует у него. *Gravitas* может применяться к определенным предметам речи, и в трех пунктах из четырех образцом является Платон: это речи о Боге (пример для подражания — *Ti.* 29e1–2: ἀγαθὸς ἦν, ἀγαθῷ δὲ οὐδεὶς περὶ οὐδενὸς οὐδέποτε ἐγγύηται φθόνος); речи, имеющие отношение к устройству вселенной (пример — *Ti.* 58a4–6; эти предметы вызовут у слушателей восхищение, если будут рассказаны в «блестящей и ясной речи», *splendida et illustri oratione*), и речи о бессмертном, например, душе или близких к божественному предметах (пример: Платон называет закон изобретением и даром богов⁴⁴).

---

³⁹ Caussin 1637: 67.

⁴⁰ D.H. *Comp.* 25.

⁴¹ Caussin 1637: 40: главное качество платоновского стиля; *ibid.* 167: Платон может придать величие любой речи.

⁴² *Ibid.* 133–134.

⁴³ Hermog. *Id.* 1.6 (глава «О значительности», Περὶ σεμνότητος).

⁴⁴ Этот последний пример, однако, Платону не принадлежит, так что подражать ему в этом довольно затруднительно. На самом деле, это определение Демосфена: πᾶς ἐστὶ νόμος εὔρημα μὲν καὶ δῶρον θεῶν, «всякий закон есть изобретение и дар богов».

Де Крессоль ценит Платона за сочетание божественного языка и сладости, *sermonis divinitas* и *suavitas*⁴⁵, объясняя это сочетание с помощью уже упоминавшегося образа пчел, питавших Платона с детства медом риторики. Бари советует оратору смешивать изящество, *graces*, Платона с силой, *vigueurs*, Аристотеля⁴⁶. На изящество платоновского красноречия, *les graces de son élocution*, ссылается де ла Мот⁴⁷. Коссен, приведя в уже упоминавшейся главе, посвященной сравнению Платона и Цицерона⁴⁸, отрывок из «Федра», не может не воскликнуть: «невозможно выразить, как его речь сладка... она подобна благоухающему лугу, овеваемому сладким ветром, и не отличается ни многословием, ни чрезмерностью украшений». Впрочем, такой высокой оценки Платон удостоивается не всегда, а только в случае, если он следует простому, легкому, свободно льющемуся стилю изложения. Уловить его можно, сравнив приведенные Коссеном места с контрпримерами, о которых мы скажем в следующем пункте.

Немного точнее о самой *suavitas* Коссен пишет в специально посвященной этому 39-й главе 2-й книги. Сутью *suavitas* является стремление понравиться публике, а это рождается из изображения в речи чего-то нового, неслыханного. Платон в этом — большой мастер, что видно на примере мифа о рождении Эроса в *Smp.* 203b–204a и мифе о цикадах в *Phdr.* 259cd. При этом важно придать мифам правдоподобие. Рассуждение о сладости, как

речение и дар богов» (D. 25.16.5). Гермоген эту цитату никак не атрибутирует, а «виновником» ошибки Коссена, возможно, является автор «Риторики» (*Ars rhetorica*), ошибочно приписывавшейся ранее Дионисию Галикарнасскому (подложность этого текста показал еще Г. Узенер в своем издании *Dionysii Halicarnassei quae fertur Ars rhetorica, recensuit Hermannus Usener, Lipsiae, 1895*). К слову, Дионисий является еще одним очень частым источником Коссена. В самом начале этого трактата определение εὔρημα μὲν καὶ δῶρον θεῶν — правда, применяемое не к законам, а к панегирикам, — стоит в непосредственной близости к ὡς λόγος ἰπλάτων φησὶν, т.е., «как, примерно, говорит Платон» (D.H. *Rh.* 1.1).

⁴⁵ Cressolius 1620: 573.

⁴⁶ Bary 1673: 2.318.

⁴⁷ De La Mothe Le Vayer 1643: 41.

⁴⁸ Caussin 1637: 67–69; приведенная цитата находится на с. 68.

и о значительности, Коссен полностью заимствует у Гермогена, также без указания источника⁴⁹.

Стиль: *contra*

Впрочем, у Платона далеко не всё настолько хорошо, чтобы служить образцом для подражания. Кое-каких его недостатков лучше избегать. Их список, опять-таки, приводит Коссен⁵⁰, и главный из недостатков Платона — это чрезмерная велеречивость, *redundantia*, включающая в себя лишние перифразы, *circumlocutiones*, злоупотребление неологизмами, устаревшими и непривычными словами, а также неуместные фигуры и поэтические выражения. За неизвестные слова в определениях Коссен критикует Платона, следуя Аристотелю: последний называет в качестве примеров ὀφρυόσκιον («бровезатененный») вместо обычного «глаз», σήψιδάκεις («гнилокусающий») вместо «паук» и т.д. — (Тор. 140а). Все перечисленные особенности стиля затемняют содержание и нежелательны⁵¹.

Фигуры

Перечисляя и описывая фигуры речи, авторы риторик иногда ссылаются на высказывания Платона, хорошо их иллюстрирующие, или же отсылают к Платону как к мастеру той или иной фигуры. Ниже эти фигуры с пояснениями и примерами даются в алфавитном порядке.

Анаклаза (повтор части фразы с переменной местами ее составляющих). Пример из Платона: «Либо мудрецы должны научиться управлять государством, либо правители — быть мудрыми» (ср. R. 473d)⁵².

Антитеза. Этой любимой фигуре эпохи барокко всегда отводится особое место, она иллюстрируется наибольшим количеством примеров. Эта фигура обнаруживается и у Платона: «Мы

⁴⁹ Hermog. *Id.* 2.4 (глава «О сладости», Περί γλυκύτητος).

⁵⁰ Caussin 1637: 68.

⁵¹ *Ibid.* 203.

⁵² *Ibid.* 378.

знаем вещи во сне, но в реальности мы их не знаем» (ср. *Ti.* 52b, *R.* 533bc и др.); «Как может быть, что если Бог не может не быть благим, это не является свободной его необходимостью? Тот, кто создал нас повелителями наших действий, может ли зависеть от своих? Тот, кто создал нас свободными, может ли быть рабом? Тот, кто обогатил нас даром свободы, может ли сам быть обделенным этим даром?»⁵³ По предыдущим примерам из Бари мы помним, что ему свойственно довольно свободно обходиться с первоисточниками и зачастую переформулировать и изменять их. Так, и вышеприведенные примеры являются перифразами, а не прямыми цитатами.

Антономасия (замена названия предмета указанием на его характерную особенность). Эта фигура может использоваться в разных случаях, в частности для украшения. Так обычно делает Платон, например называя «голову верховной твердыней тела, наслаждение — приманкой бедствий, язык — учителем вкуса, печень — кухней тела, обитель страсти — гинекеем, вместилище гнева — андроном, воду — трезвой богиней» (*caput nominat arcem corporis humani, voluptatem malorum escam, linguam saporis magistram; hepar coquinam corporis, domicilium cupiditatis gynaeeum, irae sedem andronem, aquam Deam sobriam*)⁵⁴.

Метафора и сравнение. Платон, наряду с Ксенофонтом, называется великим мастером метафоры. Однако примеры приводят только из Ксенофонта⁵⁵. Д. Буур советует применять платоновское сравнение относительно красоты: «красота подобна цветку (или блеску) благости» (*La beauté est comme la fleur de la bonté*)⁵⁶, правда, не особенно разобравшись в действительном источнике, которым является «Комментарий на *Пир* Платона: о любви» Марсилио Фичино⁵⁷. Впрочем, и здесь увлекаться нельзя: де Ла Мот

⁵³ Bary 1673: 1.347.

⁵⁴ Caussin 1637: 414.

⁵⁵ *Ibid.*

⁵⁶ Bouhours 1673: 240.

⁵⁷ Ср. *De amore* 2.3: *Pulchritudo est splendor divinae bonitatis* («Красота есть сияние божественной благости»).

Ле Вайе вместе с Псевдо-Лонгином (у де Ла Мота, конечно, он назван просто Лонгином) напоминает, что метафоры нельзя использовать сверх меры, что иногда делает Платон⁵⁸.

Парономасия, или *аллюзия*. У де ла Мота мы находим ссылку на то, что Платон в диалоге «Пир» сразу после речи Павсания использует эту фигуру с собственными пояснениями⁵⁹. Цитата приводится по-французски, греческий оригинал таков: Παυσανίου δὲ παυσαμένου — διδάσκουσι γάρ με ἴσα λέγειν οὕτως οἱ σοφοί (Smp. 185c4–5; в рус. пер. С.А. Жебелева: «когда Павсаний сделал паузу — такими-то вот „равенствами“ учат меня говорить мудрецы»). Этот пример, что неудивительно, есть и у Гермогена в обсуждении видов парономасии: γίνονται δὲ αἱ περισώσεις καὶ κατ' ἀρχᾶς καὶ κατὰ τέλος· καὶ κατ' ἀρχᾶς μὲν οἶον... καὶ ὁ Πλάτων “Παυσανίου δὲ παυσαμένου, διδάσκουσι γάρ με ἴσα λέγειν οἱ σοφοί” («Парономасии бывают в начале и в конце слов: в начале, например, как Платон говорит: „когда Павсаний и т.д.“»⁶⁰). Правда, греческое ἴσα λέγειν, «говорить равенствами», де Ла Мот никак не переводит, заменяя это следующим: «мудрецы научили меня вот так невинно играть словами». Из этого автор делает следующий вывод: если аллюзии напрашиваются сами собой и не являются издевательскими, ими можно осторожно и изредка пользоваться.

d) Actio

Этому разделу риторического искусства посвящен диалог Луи де Крессоля «Осенние каникулы» (*Vacationes autumnales*). Как ни странно, Платону и здесь находится место.

Прекрасным примером оратору-исполнителю служит Ион в одноименном платоновском диалоге: когда он произносит нечто жалостное, его собственные глаза наполняются слезами, а когда говорит об ужасном, его волосы встают дыбом и стучит сердце (*Ion* 535c). Такова должна быть подлинная убедительность⁶¹.

⁵⁸ De La Mothe Le Vayer 1669a: 51.

⁵⁹ De La Mothe Le Vayer 1669a: 55.

⁶⁰ Hermog. *Id.* 1.12.150.

⁶¹ Cressolius 1620: 126.

Есть и советы по более частным вопросам. Во-первых, серьезному оратору при произнесении речи не подобает неумеренно смеяться, как мы узнаем из Платона. Платон и сам смеялся мало (здесь де Крессоль ссылается на Гераклида в передаче Диогена Лаэртция, см. D.L. 3.26.1–2), и гражданам запрещал быть φιλογέλωτες, любителями посмеяться (см. R. 388e5)⁶². Но можно изящно и слегка улыбаться, как это, опять же, делал Платон, если верить Элиану⁶³. С другой стороны, когда говоришь о серьезных вещах, вовсе не обязательно хмуриться и морщить лоб, как это делал Платон (здесь ссылка на высмеивающий эту особенность Платона отрывок из Амфия, см. D.L. 3.28, в рус. пер. М.Л. Гаспарова: «Ведь только ты и знаешь, что угрюмиться / И брови гнуть, улитки наподобие»), ведь это производит комический эффект⁶⁴. Далее, в 11-й главе 3-й книги один из персонажей перечисляет вредные для голоса продукты — в частности, это смоква: здесь, напротив, не нужно подражать Платону, который, как мы читаем у Афиня, был любителем этих фруктов⁶⁵. Наконец, нужно всячески остерегаться того, что автор называет латинским глаголом *balbutire*, то есть лепетания и всяческих намеренных искажений произношения⁶⁶: сам Платон, ум которого божественен, а суждение самое острое из всех, в «Горгии» осуждает таких людей (*Grg.* 485c: правда, эти слова вложены в уста Калликла в контексте неодобрения занятий философией в зрелом возрасте, но в данном случае этот момент нашего автора явно не интересует).

е) *Miscellanea*

В более общем смысле, необходимо подражать Платону в жанре эпидиктических и, в частности, хвалебных речей: он соединяет весьма значительные предметы, касающиеся мудрости и добродетелей, с прелестной расцветченной речью, *amabili flore orationis*,

---

⁶² Cressolius 1620: 217.

⁶³ *Ibid.* 238.

⁶⁴ *Ibid.* 154.

⁶⁵ *Ibid.* 517.

⁶⁶ *Ibid.* 536.

и сдержанным величием, *verecunda maiestate*. Очень хорошо использовать примеры из Платона в хвалебных речах математическим наукам⁶⁷.

Самое же главное, конечно, — помнить, напоминает отец Коссен в главе, посвященной подражанию древним авторам, что Платон — учитель не только в вопросах языка, но и духа, и добродетели⁶⁸. При этом оратор должен также иметь в виду, что к любому предмету, включая и серьезные, надо подходить играючи, как к приятному времяпрепровождению: так говорит Платон, напоминая, что таким образом мы подражаем самому Творцу. Это своеобразное платоновское чувство юмора можно увидеть на примере «Горгия»: нигде философ не проявил себя более искусным оратором, чем в диалоге, ставящем саму риторику под вопрос⁶⁹.

III. Платон и переход к риторике беседы, *conversation*

В 1643 г. в сборнике небольших сочинений Франсуа де ла Мота ле Вайе (*Opuscules ou petits traitez*) вышло маленькое, но очень значимое сочинение, специально посвященное Платону: *De la lecture de Platon et de son éloquence* («О чтении Платона и его красноречии»). Сочинение адресовано канцлеру Пьеру Сегье, который, помимо прочего, был членом и покровителем Французской академии.

Во вступлении де ла Мот объясняет назначение своей записки: это ответ канцлеру на вопрос, почему в нынешние времена читатели не чувствуют больше красоты платоновских диалогов и презирают его красноречие. Цель де ла Мота заключается в том, чтобы развеять миф о том, что Платон — плохой оратор⁷⁰. Автор называет причины, по которой многим недоступно истинное понимание платоновских диалогов, их четыре. Во-первых, система образования Франции отличается от образования в платоновской

---

⁶⁷ Caussin 1637: 577–578.

⁶⁸ *Ibid.* 167.

⁶⁹ De La Mothe Le Vayer 1669a: 100.

⁷⁰ De La Mothe Le Vayer 1643: 2.

Академии, в современном образовании не так много времени уделяется арифметике и геометрии, поэтому многие места в диалогах кажутся темными⁷¹. Вторая причина — недостаточное знание языка, его идиоматики⁷². Переводы, какими бы замечательными они ни были, конечно, не способны отразить всю тонкость оригинала. Де ла Мот упоминает недавно переведенные «Апологию Сократа» и «Критона»⁷³. Еще одна причина — некоторые из осознания собственной неполноценности презирают всё древнее⁷⁴. Наконец, многие презирают жанр диалога как чрезмерно приближенный к разговорному⁷⁵.

В своей *confutatio* такого заблуждения де ла Мот стремится показать, что Платон в равной степени великий философ и великий оратор⁷⁶, ссылаясь, в частности, на Диона Хризостома, который называет Платона лучшим оратором⁷⁷. Главные латинские ораторы, Цицерон и Квинтилиан, превозносят красноречие Платона⁷⁸. Более того, Платон, возможно, даже получил это свое прозвище благодаря величю, *grandeur*, своего красноречия⁷⁹. Таким образом, у Платона необходимо учиться всем любителям риторики, а диалог, несомненно, надо относить к риторическим жанрам и высоко ценить⁸⁰.

Из чтения этой записки можно сделать вывод, что, во-первых, появляется новая читающая Платона публика без специальной подготовки (знания языка): это, в том числе, те аристократические заинтересованные в риторике круги, о которых пишет Фюмароли⁸¹. С другой стороны, де ла Мот, а вместе с ним фактиче-

---

⁷¹ De La Mothe Le Vayer 1643: 7.

⁷² *Ibid.* 11.

⁷³ *Ibid.* 21.

⁷⁴ *Ibid.* 26.

⁷⁵ С этого, строго говоря, де ла Мот начинает (*ibid.* 3).

⁷⁶ *Ibid.* 33–35.

⁷⁷ D. Chr. 36.26–27.

⁷⁸ De La Mothe Le Vayer 1643: 37–38.

⁷⁹ *Ibid.* 39.

⁸⁰ *Ibid.* 40–41.

⁸¹ Fumaroli 1995: 34.

ский заказчик этого сочинения, канцлер Сегье, обеспокоен обратным впечатлением, производимым на эту публику диалогом Платона, и стремится изменить ситуацию. Это прекрасно согласуется с той тенденцией, о которой мы упоминали в начале статьи: поворотом от формальной и официальной риторики учебников к повседневной риторике диалога, беседы. Знаменательно, что в этой связи слышится призыв одного из виднейших интеллектуалов эпохи, де ла Мота, правильно прочесть и понять Платона. Именно его диалоги, персонажи которых неизменно внимательны к мнению собеседника и лишь вместе достигают истины, могли стать образцом для риторики нового общества, риторики «для взрослых людей», в которой акцент, по мысли Фюмароли, делается не на «меня», а на «тебя», «нас» и «наши общие знания в области искусства вести беседу»⁸². Надо полагать, что этот призыв был услышан, так как количество сочинений в жанре диалога с 1660-х гг. постоянно растет⁸³.

Тем самым XVII век, как и все другие эпохи, находил в Платоне то, что было актуально для этого времени: возвышенное величие, дорогое эстетизированному французскому абсолютизму; слияние философии и риторики с акцентом на последнюю; образец для создания риторики образованной беседы, ставшей популярным досугом, *otium litteratum*, у аристократов. Именно французские риторы поддерживают интерес к диалогам Платона в XVII веке, находя в нем поучительного и изящного собеседника и тщательно избегая его критических высказываний в адрес риторики.

---

⁸² Fumaroli 1995: 41, 44. Также о сообществах интеллектуалов в Париже середины века и о характерных для них принципах свободной беседы см. Голубков 2017: 81–84.

⁸³ Перечень основных сочинений см. Fumaroli 1995: 40–41; Strosetzky 1984: 287–295. Некоторые авторы прямо называют своим образцом Платона (Strosetzky 1984: 103).

Литература

- Гаспаров, М.Л. (1972), “Цицерон и античная риторика”, in М.Л. Гаспаров (ред.) *Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве*, 7–73. М.: Наука.
- Голубков, А.В. (2017), *Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII в.* Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук, ИМЛИ РАН. URL: http://imli.ru/images/Diss_2017_Golubkov/Golubkov-disser.pdf
- Bary, R. (1673), *La Rhétorique françoise. Nouvelle Édition reveuë & augmentée.* Paris: Pierre le Petit.
- Bouhours, D. (1673), *Les Entretiens d’Ariste et d’Eugène.* Paris: Sebastien Mabre-Cramoisy.
- Bouhours, D. (1675), *Remarques nouvelles sur la langue françoise.* Paris: Sebastien Mabre-Cramoisy.
- Bray, R. (1948), *La préciosité et les Précieux: de Thibaut de Champagne à Jean Giraudoux.* Paris: Éditions Albin Michel.
- Caussinus, N. (1637), *De eloquentia sacra et humana libri xvi. Editio quarta.* Lugduni: Sumptibus Ioannis-Amati Candy.
- Cressolius, L. (1620), *Vacationes autumnales, sive de perfecta oratoris actione et pronunciatione libri III.* Lutetiae Parisiorum: ex officina Nivelliana.
- De La Mothe Le Vayer, Fr. (1643), *De la lecture de Platon et de son éloquence. Opuscules ou petits traictez.* Paris: Antoine de Sommaville et Aug. Courbé.
- De La Mothe Le Vayer, Fr. (1669a), *Considerations sur l’éloquence françoise de ce temps*, in Id., *Œuvres. Tome iv.* Paris: Louis Billaine.
- De La Mothe Le Vayer, Fr. (1669b), *Œuvres. Tome ix.* Paris: Louis Billaine.
- Fumaroli, M. (1980), *L’Âge de l’éloquence: rhétorique et «res literaria» de la Renaissance au seuil de l’époque classique.* Genève: Droz.
- Fumaroli, M. (1995), “De l’Âge de l’éloquence à l’Âge de la conversation”, in B. Bray, Chr. Strosetzki (eds.), *Art de la lettre. Art de la conversation à l’époque classique en France*, 25–45. Paris: Klincksieck.
- Fumaroli, M. (1999), *Histoire de la rhétorique dans l’Europe moderne: 1450–1950.* Paris: Presses universitaires de France.
- Le Fèvre, T., tr. (1666), *Le premier Alcibiade de Platon.* Paris: Thomas Jolly.
- Loys, J. (1995), *Imprimeurs et librairies parisiens du XVI siècle.* Paris: Musées.
- Magendie, M. (1970), *La politesse mondaine et les théories de l’honnêteté en France au XVII siècle.* Genève: Slatkine.
- Martin, H.-J. (1999), *Livre, pouvoir et société à Paris au XVII siècle.* Genève: Droz.

- Renaud, A. (1697), *Manière de parler la langue françoise selon ses differents styles*. Lyon: Claude Rey.
- Sorel, Ch. (1667), *La Bibliothèque françoise, Seconde édition, reueüe & augmentée*. Paris: Par la compagnie des Libraires du Palais.
- Strosetzki, Chr. (1984), *Rhétorique de la conversation: sa dimension littéraire et linguistique dans la société française du xviie siècle*. Traduit en français par Sabin Seubert. Paris; Seattle; Tübingen: Biblio 17.